

ЛЕЯ ВЕТРОВА

РАЗВОД
НАС ВЫБРАЛ
ТВОЙ БРАТ

18+

Лея Ветрова

Развод. Нас выбрал твой брат

«Автор»

2026

Ветрова Л.

Развод. Нас выбрал твой брат / Л. Ветрова — «Автор», 2026

— У меня есть женщина. Я хочу с ней жить. Я собиралась сказать мужу, что беременна. Он объявил, что уходит к другой. Восемь лет брака закончились за один разговор, а долгожданный ребёнок остался моей тайной. Марк, старший брат моего мужа, помог мне забрать вещи. Я собиралась только поблагодарить его за помощь. А потом начала ждать наших встреч и бояться, что он заметит, как сильно мне нужен. В их семье Марк всегда уступал младшему. Помогал деньгами, откладывал собственные планы, приходил на помощь по первому звонку. Но теперь бывший хочет вернуть меня. Его мать требует, чтобы я простила измену ради ребёнка. А я люблю его брата. Уступит ли Марк и на этот раз? Или впервые выберет нас?

© Ветрова Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Две полоски и другая женщина	5
Глава 2. Я не повезу тебя обратно	11
Глава 3. Младшему всегда прощали	16
Глава 4. Моих денег хватит	21
Глава 5. Кого я позову с собой	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лея Ветрова

Развод. Нас выбрал твой брат

Глава 1. Две полоски и другая женщина

Я принесла домой пакет с персиками, хотя весь год Антон объяснял мне, что приличные персики в нашем городе бывают две недели в августе. Сегодня я выбрала самые дорогие, осторожно уложила их поверх хлеба и всю дорогу придерживала пакет на коленях. В сумке лежала распечатка из лаборатории, а в её кармане — два теста, завёрнутые в бумажное полотенце. Я зачем-то забрала их с собой, когда уходила сдавать кровь: боялась, что Антон найдёт раньше, чем я успею ему рассказать.

Он оказался дома. В прихожей стояли его туфли, куртка висела поверх моей джинсовки; обычно по пятницам он возвращался из клиники после восьми. Я посмотрела в зеркало над обувницей и решила, что расскажу сразу. Платье, свечи, всё это можно потом. Сейчас хотелось увидеть его лицо.

— Ты рано, — сказала я, входя на кухню. — У тебя отменился пациент?

Антон сидел за столом, положив телефон экраном вниз. Перед ним стояла моя чашка с трещинкой у ручки. Свою он, видимо, не нашёл в посудомойке.

— Вера, нам надо поговорить.

Я поставила пакет на стул. Один персик выкатился из бумажного мешка и ударился о хлеб, оставив на пакете мокрый след. Я прижала его большим пальцем, зачем-то проверяя, не помялся ли.

— Мне тоже. Подожди, я руки вымою.

— Давай сначала я.

На кухне пахло кофе и его одеколоном. Я вымыла руки и вытерла их полотенцем; уголок зацепился за кольцо, и я расправила петлю ногтем. Антон смотрел на меня, но не вставал.

— У меня есть женщина. Мы вместе уже какое-то время. Я хочу с ней жить.

Кран я закрыла не до конца. Из него тонко бежала вода, чуть выше обычного звука холодильника. Я смотрела на эту струйку и ждала, когда он продолжит, объяснит, к чему всё это. Например, что разговаривал сегодня с пациентом, который оставил жену, и теперь боится стать таким же. Антон любил начинать истории с середины.

— Что значит — женщина?

Он провёл рукой по лицу и сел ровнее, как садился перед родителями трудных детей, которым предстояло объяснять, почему лечение будет стоить дороже.

— Вера. Я же сказал. Я встретил человека.

— Я слышала, что ты сказал. Кто она?

— Диана. Ты её не знаешь.

Имя не вызвало ничего. Я не знала, с кем нужно сравнивать себя, какую фотографию искать. Стояла возле раковины, положив ладони на столешницу; под правой рукой набухла старая царапина от ножа.

— Сколько времени?

— Это важно?

— Да.

Он взял пустую чашку и поставил обратно. На столе осталось круглое пятно. Сегодняшний урок отменился из-за болезни ученицы, поэтому я успела съездить в лабораторию. Я ещё думала, как удачно освободился день.

— Полгода, — сказал Антон.

Я наконец закрыла кран. Резко, двумя пальцами, и он жалобно скрипнул.

— С марта?

— Примерно.

— В марте ты сказал, что в этом году у нас обязательно получится, — сказала я. —

Помнишь?

Он потянулся за телефоном, но оставил его на столе.

— Конечно, помню.

— И в апреле. И всё лето. Мы уже год пытались завести ребёнка, Антон.

— Я знаю.

— Ты приходил от неё ко мне? Или от меня к ней? Как вы это устраивали?

— Не надо этих подробностей.

Я засмеялась. Получилось некрасиво, с воздухом, который никак не выходил из груди. Антон нахмурился; он всегда раздражался, когда я смеялась невпопад, даже если потом выяснялось, что мне просто не хватает дыхания.

— Каких подробностей? Мы с тобой спали вместе в среду. Позавчера. Ты помнишь хотя бы это?

— Вера, я не хотел тебя ранить.

Он произнёс это тихо, и я почти кивнула. Сработала привычка: когда Антон говорил тише, я тоже снижала голос. Так мы не будили друг друга, не мешали моим ученикам, не ссорились на людях. Я уже открыла рот, чтобы сказать что-нибудь удобное, и в этот момент вспомнила полотенце в кармане сумки. Два теста. Я так боялась, что одна полоска исчезнет, что сделала второй, хотя первая была совсем отчётливой.

— А чего ты хотел?

— Чтобы мы спокойно разобрались. Между нами давно всё непросто. Ты тоже это видишь.

— Я видела, что ты устаёшь. Что у тебя новая смена, что ты опаздываешь. Мы обсуждали отпуск на октябрь. Позавчера ты прислал мне гостиницу.

— Я пытался. Серьёзно. Но нельзя всё время делать вид.

Он говорил без запинок. Я подтянула стул и села: вдруг стало страшно, что ноги подведут и он вскочит ловить меня, а я вцеплюсь в него просто потому, что больше не за что.

— Она знает, что ты женат?

— Да. Я не скрывал.

— И что мы хотим ребёнка, знает?

Он посмотрел в окно.

— Я сказал, что мы с тобой давно живём каждый своей жизнью. Формальности ещё не решили.

Я провела пальцем по крошкам у края стола. Утром я ела здесь сухарь, потому что от яичницы вдруг стало мутить. Собрала крошки на ладонь, не нашла, куда их деть, и сжала пальцы.

— Ты сказал ей, что мы разъехались?

— По сути, так и было. Ты со своими уроками, я в клинике. Мы дома почти не пересекаемся.

— Она была здесь?

— Нет, — ответил он сразу. — Вот этого не было.

Он даже чуть оживился, будто нашёл наконец что-то, за что я должна быть благодарна. Я разжала ладонь над своей тарелкой, стоявшей на сушилке. Несколько крошек прилипли к коже.

— Кто ещё знает?

— Мама. Пара человек. Я хотел подготовить её, чтобы она не переживала.

— А меня подготовить ты не хотел?

— Я сейчас с тобой разговариваю.

На его телефоне зажёгся экран. Антон положил ладонь поверх него, и мне захотелось ударить по этой ладони. Я убрала руки под стол. За стеной кто-то двигал мебель; скрежет заглушил звук нового сообщения.

— Ты собирался уйти? — спросила я.

— Надо решить, как удобнее. У тебя здесь инструмент, ученики. Можно какое-то время пожить так. Без лишнего шума.

— В какой комнате ты будешь жить с ней?

— Не передёргивай. Она сюда не переезжает. Я говорю про нас.

В его голосе появилась усталость: я слишком долго не понимала разумное предложение.

— Я сегодня уйду.

Антон потёр бровь. На большом пальце у него была маленькая полоска пластыря: утром порезался, когда брился, и я сама принесла ему коробку из шкафа.

— Куда ты пойдёшь?

— Узнаю.

Я поднялась и взяла пакет со стула. Персик снова сдвинулся, и я поймала его за рыхлый бок. Он был тёплым, почти горячим от поездки в автобусе. Я убрала хлеб в хлебницу, хотя теперь не собиралась его есть, оставила пакет с персиками на стуле и открыла холодильник.

— Ты тоже хотела поговорить, — напомнил Антон. — О чём?

Я держалась за дверцу холодильника. На верхней полке стоял его йогурт; вчера я ещё прикидывала, хватит ли нам еды на выходные.

— Уже не надо.

Он ничего не спросил. Я закрыла холодильник, подняла сумку с пола и пошла в спальню. За спиной щёлкнул телефон; Антон дождался, пока я выйду, прежде чем взять трубку. Я не услышала первых слов, зато хорошо расслышала, как он сказал: «Да, поговорили».

Чемодан застрял между зимними сапогами и свёрнутым ковриком. Я дёрнула за ручку, с верхней полки посыпались открытки. Наступила на одну босой ногой, пока тянула чемодан, и не стала поднимать.

Я собиралась медленно, хотя хотела уйти до того, как Антон закончит разговор. Полотенце в сумке мешало доставать телефон; я сунула тесты глубже и распечатку положила туда же. По моим подсчётам, начиналась восьмая неделя. Теперь я боялась даже произнести вслух, что со мной происходит.

Ксения не ответила с первого раза. На второй сбросила, а потом написала: «Веду урок. Что случилось?» Я набрала «Антон уходит», стёрла и написала заново: «Можно я сегодня у тебя переночую?» Вслед за этим отправила ещё одно сообщение: «Мы расстаёмся. Я сейчас собираюсь».

Она позвонила почти сразу.

— Подожди, я в коридор вышла. Что он сделал?

— У него женщина.

Ксения молчала так долго, что я услышала через трубку детскую скрипку. Кто-то упорно попадал в одну и ту же неверную ноту, потом начинал сначала.

— Серьёзно?

Я вытащила из ящика футболку и прижала к лицу. Она пахла моим кремом для тела, обычным дешёвым кремом, который я покупала по две банки, потому что он переставал продаваться каждый раз, когда я к нему привыкала.

— Нет, Ксюш. Мы репетируем спектакль.

— Вер, прости. Я не то спросила. Приезжай, конечно. У меня только до половины восьмого занятия, ключи не смогу отдать. Ты можешь прийти сюда, посидишь у нас в классе.

Я представила себя с чемоданом среди мам, ожидающих детей с урока. У меня задрожала губа, и я зажала её зубами.

— Я попозже приеду. Вещи соберу.

— Хорошо. Домофон тот же, четвёртый подъезд. Хочешь, я Лёшу попрошу тебя забрать? Он, правда, на другом конце города.

— Не надо. Я сама.

— Ты ела сегодня?

Я посмотрела на футболку, потом на раскрытый чемодан. Футболка оказалась Антонова. Старая, растянутая, в которой я обычно спала. Я положила её обратно в ящик и взяла свою.

— Потом поем.

— У меня вчерашние котлеты есть. Не ресторан, зато много. Вера, ты приедешь, ладно? Не исчезай.

В классе что-то упало. Ксения спросила, цел ли мостик; я обещала приехать и отключилась. Ей нужно было работать. Мне в понедельник тоже предстояло вести уроки, только я больше не знала где.

Антон заглянул в спальню, когда я снимала с вешалки платье.

— К матери?

— К Ксении.

— Ну вот. Вы там друг друга накрутите.

Я положила платье поверх джинсов. Приходилось проверять каждый ящик: я не знала, через сколько дней снова окажусь здесь и пустит ли он меня в спальню так же спокойно.

— Тебе ещё и подруга моя мешает?

— Я не это сказал. Просто не делайте из меня чудовище. Мы взрослые люди.

— Тогда выйди. Мне надо переодеться.

Он посмотрел на меня, явно не ожидая такого. Мы ещё утром стояли рядом у зеркала: он брился, я чистила зубы. Я почувствовала, что сейчас объясню, что хочу побыть одна, извинюсь за тон; вместо этого расстегнула кардиган. Антон отступил и прикрыл дверь.

Я села на кровать. Одежда уже лежала в чемодане, но стоило остановиться, и стало слышно, как колотится сердце. Где он ночевал после семинара? Зачем просил меня вернуться от мамы на день раньше? Я пыталась угадать лицо Дианы, хотя ещё час назад не знала, что она существует.

На столике лежала книга Антона, между страниц торчал талон из парковки. Я вытянула его и сунула обратно: проверить каждый вечер этих шести месяцев я всё равно не смогу. Рядом стоял стакан воды, который Антон приносил мне почти каждую ночь. Я не знала, что делать с этой привычной заботой, пока пыталась вспомнить, как давно он перестал меня любить.

Паспорт и карта были на месте. В конверте лежали тридцать две тысячи от летних уроков; я откладывала на инструмент, у нашего начала западать клавиша. На карте было ещё двадцать с небольшим. Прежде эти деньги казались почти лишними: расходы мы делили, а квартира досталась Антону от бабушки до свадьбы.

Я пересчитала купюры, сбилась и начала заново. Слеза упала на конверт; я вытерла нос рукавом, потому что за салфетками пришлось бы идти на кухню. На пару дней хватало. На месяц, наверное, тоже. Дальше считать не получалось: меня мучило от запаха Антоновой подушки.

Я открыла окно, сняла кольцо и сунула в маленький карман сумки. Там лежал запасной ключ от квартиры; я посмотрела на него и оставила. Чтобы завтра забрать вещи, мне всё равно придётся вернуться.

К семи я закрыла чемодан и набила сумку нотами. В кабинете оставалось цифровое пианино со стойкой, педаль, учебники, стулья для родителей. Одному человеку такой инструмент по лестнице нести было неудобно: когда покупали, мы с Антоном тащили его вдвоём, всё время стучаясь локтями.

Я попробовала нижнее ля. Клавиша сработала сразу; в среду Никита уверял, что это он неправильно нажимает. Мне пришлось уговаривать его не извиняться перед пианино. Теперь я проверяла, можно ли снять боковины стойки.

— Это можно оставить, — сказал Антон из дверей. — Ты же не будешь на чужой кухне преподавать.

Я вынула штекер из розетки и смотала провод. Он перекручивался у блока питания, и я расправляла его, пока Антон ждал ответа.

— На кухне не буду.

— Так приходи сюда на уроки. Я в это время на работе. Нормальное решение, ты ничего не теряешь.

— А если у тебя отменится пациент?

Антон сунул руки в карманы домашних брюк. Он успел переодеться, пока я собиралась.

— Вера, у тебя каждый вопрос с подвохом.

Он прикусил щёку, сдерживая раздражение. Обычно я спросила бы после этого, как прошла смена, и он рассказал бы про трудного пациента. Мне захотелось задать привычный вопрос. Я прижала блок питания к коробке с нотами и промолчала.

— Заберу завтра, — сказала я. — Не убирай пока ничего отсюда, пожалуйста. Я знаю, где что лежит.

— Я не собираюсь выбрасывать твои ноты.

— Я этого не говорила.

Я вытащила телефон и открыла контакты. У Лёши был маленький седан; пианино, наверное, влезет, если сложить сиденья. Но я почти не знала его и сейчас не могла объяснить ещё одному человеку, почему Антон стоит рядом, а я прошу кого-то другого.

Ниже был Марк. Мы переписывались по семейным делам, пару раз он помогал с тяжёлыми покупками. У него была большая машина, и он не говорил «конечно», если приехать не мог. Я смотрела на имя, но никак не решалась нажать: после Антоновых разговоров с матерью его брат мог решить, что я звоню втянуть его в нашу ссору.

Муж заметил, что я стою с телефоном, и потянулся к коробке.

— Давай я сам завтра отвезу. В клинику только к одиннадцати.

— Не надо.

Я сказала это слишком быстро. Он замер, держа коробку за край, и мне пришлось добавить:

— Оставь её, пожалуйста.

Ксения прислала фотографию котлет под крышкой. Я зачем-то увеличила снимок. Сегодня предстояло доехать до неё, завтра — вывезти инструмент и искать место для уроков. Я закрыла сообщение и нажала на имя Марка.

Он ответил не сразу. В трубке грохнуло что-то металлическое, чей-то голос спросил про ключ на семнадцать. Марк сказал подождать, и шум стал тише.

— Да, Вер. Слушаю.

От того, как обычно он это произнёс, у меня снова задрожали губы. Я повернулась к окну, положила свободную руку на подоконник и дышала через нос, пока могла говорить.

— Марк, ты можешь завтра приехать? Мне нужно перевезти вещи. Пианино тоже.

За спиной скрипнул пол. Антон шагнул ближе, и я увидела его отражение в стекле: он больше не выглядел усталым. Марк спросил, к какому часу, я ответила, что лучше утром. Он сказал: «В девять буду», — и попросил прислать адрес, куда везти. Я обещала написать после того, как доберусь до Ксении; на Антона всё ещё не смотрела.

— Ты моему брату звонишь? — спросил он, едва я опустила телефон.

Я положила его в карман и потянулась за ручкой чемодана. Антон стоял между мной и дверью, ожидая ответа, поэтому пришлось подождать, пока он отступит. Я уже приготовилась снова сказать «пожалуйста», но он отошёл сам. Чемодан зацепился колёсиком за коврик; я поправила его носком туфли и потащила в прихожую. На этот раз Антон не предложил помочь.

Глава 2. Я не повезу тебя обратно

На Ксюшиной кухне я нашла кружку с чужим именем и чашку, в которой лежали две батарейки. Батарейки переложил на подоконник, чашку сполоснула и стала ждать, пока закипит чайник. Было без четверти восемь; за стеной слышалось шарканье тапочек. Я села, спрятав под стол босые ноги.

— Ты чего вскочила? — Ксюша остановилась в дверях. Волосы у неё были примяты с одной стороны, на щеке отпечатались складки наволочки. — Я будильник только на восемь поставила.

— Мне за инструментом надо. Марк приедет к девяти.

— Батарейки там не просто так лежали. Она течёт. Дай сюда. — Ксюша достала чашку с синей полоской по краю, а мне сунула тряпку. Под доньшком уже расплзалось пятно.

Вчера она встретила меня в подъезде, помогла затащить чемодан, разогрела котлеты и только после ужина спросила, как давно я знала. Я ответила, что до обеда не знала вообще. Тогда она оставила мне чистую футболку на диване и ушла в ванную плакать. Вернулась с полотенцем на голове и сказала, что шампунь попал в глаза. Мы обе сделали вид, что я поверила.

— Марк — брат? — спросила она, нарезаю хлеб.

— Старший. У него машина большая.

— Я помню. Он на твоём дне рождения меня домой довёз. — Ксюша поставила передо мной тарелку. — Нормально договорилась?

— Вроде. Адрес твой вчера отправила. Заедет к нам... к Антону, заберёт пианино, привезёт сюда. Ты точно не против? Оно длинное.

— Два дня переживём. Потом решим. Только не ставьте его поперёк коридора, я ночью об него убьюсь.

Я намазала хлеб маслом и стала прикидывать, куда поставить инструмент. Ксюша занималась со своими учениками на выезде. Ей самой места хватало; я собиралась привезти такую часть квартиры, которую в гостях обычно не оставляют.

— Не сиди с этим лицом, — сказала она, поймав мой взгляд. — Я знаю, что ты ищешь объявление о съёме. Не надо прямо во время завтрака.

Я перевернула телефон экраном вниз. Вечером Антон написал: «Доехала?» Я ответила «да», и больше мы не разговаривали. Ночью всё равно просыпалась и проверяла, не пришло ли что-нибудь ещё.

— На понедельник у меня четверо, — сказала я. — Отменить проще, чем понять, где их принять.

— Сегодня вечером посмотрим. Мне сейчас самой надо собраться. В половине десятого первый, потом ещё трое, один в другом конце города. Ты хоть поешь нормально.

Я съела половину бутерброда и завернула вторую в салфетку. В сумке хрустнула лабораторная распечатка; я засунула её под кошелёк. Рассказать Ксюше хотелось ещё вчера. Но после слов про Антона она так смотрела на меня, что я испугалась добавлять остальное. Сейчас она собиралась на уроки, а мне нужно было вернуться за вещами.

— Ключ вот, — Ксюша положила связку рядом с тарелкой. — Верхний замок тугой, поворачивай до конца. Я вчера не успела объяснить.

Я взяла ключи и обняла её со спины, пока она мыла нож. Она не повернулась, только прижала локтем мою руку.

— Куртку надень, утром холодно. И телефон не убирай. Если он начнёт... в общем, звони.

Антон открыл раньше, чем я успела вытащить свой ключ. Был в джинсах и домашней футболке, а на кухне опять пахло кофе. Я прошла в кабинет и увидела пакет с персиками: он перенёс его с кухонного стула на мой рабочий стол.

— Заберёшь? — Антон кивнул на пакет.

— Да.

Он постоял в дверях, пока я отсоединяла педаль и сворачивала провод. Я не хотела садиться за инструмент: руки сами нашли бы знакомое место. Вместо этого достала из ящика карандаши, ластик, коробку с наклейками для малышей. Всё рассыпалось на столе, и Антон принёс пустую сумку из прихожей.

— Возьми эту.

Я взяла. Отказаться от сумки казалось уже смешным, но поблагодарить не получилось.

— С Ксенией поговорила? — спросил он.

— О чём?

— Об этом всё. Что она сказала?

— Про верхний замок. Он у неё заедает.

— Вера, давай без этого. Ей сейчас легче всего насоветовать.

— Она дала мне постельное бельё. Больше ничего не понадобилось.

В дверь позвонили. Марк держал в одной руке сложенный плед, в другой — телефон. На плечах его тёмной куртки блестели мелкие капли, волосы у лба намокли. Он убрал телефон в карман и поздоровался.

— Машину подогнал к подъезду. Что первым несём?

— Пианино. Я почти всё отключила.

Антон подошёл из кабинета, взял у брата плед и хотел повесить на спинку стула.

— Привет. Ты сегодня рано.

— Мы на девять договорились.

— Я вчера сказал, что сам отвезу. Вера торопится.

Марк посмотрел на меня. Я стояла между ними и не знала, куда деть пустые руки. Антон держал его плед, словно собирался предложить нам остаться на завтрак.

— Мне нужно сегодня, — сказала я. — Потом начнутся уроки.

— Ну, сегодня так сегодня. — Марк забрал у Антона плед и прошёл в кабинет. — Сначала снимем со стойки. Вера, педаль куда положить?

Он помнил, как всё устроено: два года назад помогал нам со стойкой и упаковкой. Мы подхватили клавиатуру с двух сторон. Я успела приподнять свой край, но Марк опустил его обратно.

— Подожди. Антон, возьми с той стороны. А ты стойку сложи, ладно?

Я потянулась к фиксаторам. В горле стояла кислая тяжесть; по дороге сюда я доела бутерброд, но легче не стало. Братья завернули инструмент в плед и понесли к лифту. Я собрала стойку и педаль, прислонила к стене два складных стула для родителей. В кабинете сразу стало просторно.

Марк вернулся за стульями и учебниками. Пока Антон оставался возле машины, я проверила ящики: вроде ничего нужного на понедельник не забыла. Марк забрал стулья, сумку с учебниками и персики; я подхватила папку с нотами.

— Оставь, я ещё раз поднимусь.

— Ноты я сама донесу.

У лифта я достала запасной ключ от квартиры. Кольцо выскользнуло вместе с ним на ладонь, и я торопливо убрала его обратно, пока Марк нажимал кнопку вызова.

Внизу Антон стоял у открытого багажника. Он помог сложить стулья, отряхнул ладони и повернулся ко мне.

— Ключ оставишь?

— Вот запасной. Второй у меня на связке, потом верну. Здесь ещё куртка и книги.

Я протянула ему ключ. Антон взял, но не отошёл, и мне вдруг захотелось, чтобы он обнял меня. Положил ладонь на затылок, как раньше, и не говорил ничего хотя бы минуту. Я ненавидела себя за это желание, а он уже сунул ключ в карман и спросил Марка, во сколько тот сегодня заканчивает.

— Посмотрим, — ответил Марк. — Позвони.

Я села в машину. Когда мы отъехали, Антон ещё стоял у подъезда, поглядывая на телефон. Я следила за ним, пока его не закрыла припаркованная машина.

В машине пахло мокрой тканью и новым пластиком. Я сняла куртку, положила поверх нот и постаралась не дышать глубоко. Марк убавил печку, спросил, не слишком ли жарко.

— Заедем сначала в сервис? — спросил он. — Мне минут на десять. Потом к Ксении.

— Можно сразу к ней?

Он пропустил автобус и повернул на нужную улицу. Я не собиралась плакать, но теперь слёзы текли под подбородок, и я никак не успевала вытирать их рукавом. Марк протянул мне салфетки.

— Вер, если ты хочешь вернуться... Мы можем выгрузить у Ксении, а ты пока без вещей. За день ты всё равно ничего не решишь.

— Я не хочу обратно.

Я сказала слишком резко и порвала салфетку, вытаскивая из пачки.

— Не отвози меня к нему, пожалуйста. Даже если я ещё час буду так сидеть.

— Я не повезу тебя обратно. Я спросил.

Он следил за дорогой; в голосе слышалось раздражение. Я вытерла лицо и нашла в сумке маленькое зеркальце. В нём помещались глаз, кусок брови и мокрый нос.

— Извини, — сказала я. — Вчера столько наговорили, что теперь всё кажется продолжением.

— Что он тебе говорил?

Я закрыла зеркальце и сжала его между ладонями.

— Что полгода встречается с женщиной. Хочет с ней жить. Я вчера узнала.

Мы стояли на светофоре. Марк смотрел на фургон впереди нас, постукивая пальцем по рулю.

— Он мне сказал, вы давно разъехались по разным комнатам. Ещё летом. Ты пока квартиру не нашла.

— У нас одна спальня, Марк.

— Я знаю, сколько у вас комнат.

Он ответил коротко, и я прикусила щёку. Мы едва общались без Антона: дни рождения, машина, просьба купить тяжёлый мешок земли для цветов. Откуда Марку было знать, где я спала и чего ждала весь последний год?

— Я вчера утром думала, что у нас всё хорошо, — сказала я уже тише. — У него, видимо, тоже всё было хорошо. Очень удобно.

Сзади посигналили. Марк тронулся, и мы проехали два перекрёстка молча. У него на манжете было тёмное пятно. Он, наверное, собирался сегодня совсем не за мной ехать.

— Ты можешь высадить меня, если тебе надо в сервис. Инструмент потом заберём.

— Довезу. — Он помолчал. — Антону я позвоню. После.

Я повернулась к нему, придерживая сползающую папку.

— Подожди. Только не говори ему... Мне сначала надо сказать тебе кое-что.

— Сейчас?

— Да. Я беременна.

Марк свернул на стоянку перед закрытым ещё магазином и заглушил двигатель.

— Он знает?

Я покачала головой.

— Вчера должна была рассказать. Утром сдала кровь, забрала результат. Пришла домой, а он уже сидел с этим своим разговором.

Марк развернулся ко мне. Я привыкла, что в семье он чаще улыбался и задавал вопросы о работе. Теперь лицо было напряжённым, чужим, и хотелось снова спрятаться за папкой.

— Какой срок?

— Восьмая неделя. Я считала сама. К врачу ещё не ходила.

— Господи, Вера.

Он вытащил телефон и положил на панель. Я успела увидеть имя Антона в списке последних звонков.

— Не звони ему про это. Пожалуйста. Я сама скажу.

— Он оставил тебя, не зная, что у него будет ребёнок.

— Он думал, мы ещё можем его сделать. В среду. — Меня опять затошнило, теперь от собственных слов. Я опустила стекло. — Вчера он не захотел меня выслушать.

Марк убрал телефон с панели. Я ждала вопросов: почему молчу, как собираюсь справляться. Вместо этого он спросил, есть ли вода. Бутылка лежала в сумке; я достала её, сделала два глотка и поставила между коленями.

— Я скажу, — повторила я. — Только мне нужно сначала самой... Я не готова слушать его прямо сейчас. Или твою маму. Она сразу начнёт звонить.

— Маме тоже не говорить?

— Никому. Ксюша пока не знает.

Марк откинулся на спинку. Мне стало стыдно: я требовала обещания, которое могло испортить ему отношения с братом. Сама не знала, чего ждала от Антона, когда всё-таки расскажу. Сейчас больше всего хотелось отложить разговор, пока я не смогу выдержать его ответ.

— Не скажу, — ответил Марк. — Но затягивать не стоит.

— Я понимаю.

— Не уверен. Сейчас ты понимаешь только, что он... — Марк не договорил, отвернулся к боковому окну. — Ладно. Это ваше. Ты как себя чувствуешь?

— Есть хочется. И от запаха тошнит. Одновременно, представляешь?

Он посмотрел на пакет с персиками у моих ног.

— Они у тебя без ножа съедобные?

Я засмеялась и удивилась звуку. Марк завёл машину, выключил обдув. Я достала персик и откусила над раскрытым пакетом. Сок потёк к запястью; я вытирала его салфеткой, а Марк спрашивал дорогу к нужному въезду во двор.

Клавиатуру он поднял на третий этаж в лифте. Я придерживала дверь, несла пакет с персиками и папку, потом спустилась за лёгкой сумкой с карандашами. За стойкой, стульями и книгами Марк ходил сам. Стойку и стулья мы засунули за шкаф в прихожей; инструмент оставили у стены в комнате, под пледом. Я собрала с разобранного дивана свои носки и пошла на кухню, не зная, предложить ли Марку что-нибудь или он сразу уйдёт.

— Чай будешь?

— Буду. Только мне потом надо ехать.

Я поставила чайник. Когда Марк потянулся за чашкой, я перехватила ту самую, с трещиной, и засмеялась второй раз за утро. Пришлось объяснять. Ему досталась кружка с именем Аркадий, мне — с синей полоской. Почему-то хотелось, чтобы он сел; когда сел, я заметила, как мало места осталось между столом и плитой.

— Ты завтракал? — спросила я.

— В шесть.

Я достала хлеб, масло, остатки сыра. Всё Ксюшино. Своего у меня были персики. Марк снял куртку, закатал рукава; я заметила у него возле виска один длинный седой волос. Мы сидели рядом столько раз, но обычно между нами был кто-нибудь ещё. Сейчас он придерживал ногой дверцу шкафчика, чтобы я не ударилась о неё коленом, и ждал, пока я найду нож.

Наши пальцы соприкоснулись у ручки. Я убрала руку чуть быстрее, чем следовало, и села напротив, отломив корочку хлеба. Смотреть на него было трудно: то хотелось рассказать ещё что-то про вчерашний день, то хотелось, чтобы он ел и не задавал вопросов. Я не выпалась, глаза болели; наверное, поэтому обычное мужское внимание сейчас действовало слишком сильно. Я отложила корочку и взялась за чашку.

— На сколько ты тут? — спросил Марк.

— Пока не знаю. Сегодня посмотрю квартиры. Только с уроками надо разобраться. Я не могу родителей водить к Ксюше.

— У Антона комната осталась свободная.

Я поставила чашку обратно. Марк заметил и перестал резать сыр.

— Плохой вариант, понял. Просто снимать жильё и ещё помещение...

— Я умею считать.

— Не сомневаюсь.

Он сказал это без улыбки. Мысль о том, что Антон будет встречать моих учеников в нашей прихожей, была невыносимой. Он предложил это вчера так буднично, будто мы просто поменяли расписание.

— У меня есть отложенные, — сказала я. — Немного. Мне хватит на первое время. А дальше разберусь.

Марк доел бутерброд и собрал крошки со стола на свою тарелку. Я понемногу пила чай; перестала следить, ровно ли сижу, положила локти на стол. Когда он посмотрел на машину за окном, я подумала, что сейчас уйдёт. Хотела спросить, куда потом вернуть его плед, но зазвонил телефон.

Я увидела имя Антона раньше, чем Марк прикрыл экран ладонью. Поставила чашку и положила руки на колени.

— Да, — ответил Марк.

Он слушал, глядя на край стола. Чужих слов я не разобрала; только имя Ксении долетело из трубки, когда в кухне стало совсем тихо. Марк подождал, пока брат закончит, и спросил:

— Ты хочешь, чтобы я сейчас привёз Веру домой?

Он поднял глаза на меня. Я сидела в Ксюшиной футболке, надетой под свитер, с чужими ключами на коленях; ноготь упирался в бороздку на головке верхнего. Пока Антон отвечал, я боялась, что придётся ещё раз объяснять всё сначала. Марк не встал, не потянулся за курткой. Сказал в телефон: «Антон, подожди», — и я наконец смогла встать сама, чтобы налить нам обоим ещё чаю.

Глава 3. Младшему всегда прощали

Антон приехал в воскресенье, когда я собирался закрывать кабинет. Встал под навесом у мойки, вышел, не заглушив двигатель, и помахал мне через стекло. Я показал на место возле забора: там он никому не мешал. Брат переставил машину, хотя по его лицу было видно, что разговор, ради которого он проехал полгорода, должен был начаться сразу, ещё прежде, чем я уберу бумаги со стола.

Вчера мы закончили звонок коротко. Я сказал, что Вера останется у Ксении; если Антон хочет с ней поговорить, у него есть её номер. Он попросил хотя бы не уезжать, пока сам ей позвонит. Я не стал ждать. Допил чай, поблагодарил Веру и ушёл, а уже в машине увидел от брата три пропущенных. До вечера перезванивать не хотелось. Мы обменялись сообщениями и договорились встретиться сегодня в сервисе.

— Ты даже в выходной тут, — сказал Антон, заходя. — Дома вообще бываешь?

Он снял куртку и повесил на мой стул. Так делал с детства: находил свободное место, занимал, а вещи, лежавшие там до него, предлагалось куда-нибудь переложить. Сейчас пришлось вытащить из-под куртки накладную. Антон заметил, взял её у меня и положил на подоконник.

— Кофе есть?

— В термосе. Чистая кружка на сушилке.

Он сходил в соседнюю комнату, вернулся с кофе, уселся напротив. Приехал явно не после бессонной ночи: свежая рубашка, волосы ещё влажные от душа. Я тоже спал. Проснулся только раньше, чем нужно, и минут сорок лежал с открытыми глазами, думая, не написал ли Вере что-нибудь лишнее, когда она прислала вечером: «Спасибо. Всё на месте». Перечитал свой ответ — «Обращайся» — и убрал телефон. Подходило ко всему: привезённому инструменту, чужим неприятностям, просьбе достать запчасть.

— Она трубку берёт? — спросил я.

— Вчера ответила. Сказала, что устала. Сегодня я пока не звонил. — Антон подул на кофе. — Зачем ты вообще в это полез?

— Она попросила машину. Я приехал.

— Я сам предлагал. Не надо было подключаться.

— Надо было ей отказать?

— Ты мог мне позвонить. Сказать: твоя жена просит отвезти её к подруге. Я бы объяснил, что мы всё решаем.

До вчерашнего утра я тоже так думал. Антон впервые упомянул о раздельной жизни в июле, когда мы заехали к матери на ужин. Вера в тот день преподавала. Я спросил, нужна ли помощь с квартирой, он ответил, что пока ничего не требуется, и рассказал о новом оборудовании в клинике. Я слушал вполуха: хотел поесть и уехать. Теперь не мог вспомнить, спросил ли вообще, как у Веры дела.

— Ты сказал, что вы давно живёте по разным комнатам.

— По сути.

— Она об этом не знала.

— Вера тебе всё рассказала, да?

Она сидела вчера рядом со мной, зажав бутылку между коленями, и просила никому не звонить. Я обещал и теперь подбирал ответ, хотя Антон наверняка ожидал услышать что-нибудь о себе.

— Сказала, что узнала о Диане в пятницу.

— Я не с пятницы пытался поговорить. Просто с Верой невозможно зайти в такую тему. Она сразу...

Он не закончил, поставил кружку на край папки. Я вынул бумаги из-под неё, и Антон усмехнулся.

— Ладно, понял. Я виноват. Пришёл, сказал, что ухожу. Она разозлилась. Но можно же хотя бы вещи не вывозить на следующий день? У неё там ученики, вся работа. Ей у Ксении негде повернуться.

— Повернулась. Инструмент поместился.

— Ты издеваешься?

Я действительно говорил зло и слышал это сам. Антон ещё ничего не знал о ребёнке. Вчера оставлял мне место у багажника, держал край пледа, спрашивал, как лучше закрепить стойку. В каких-то других обстоятельствах я бы после такой перевозки позвал его поесть. Сейчас даже кружку, из которой он пил, хотелось забрать и вымыть.

— Зачем тебе Вера дома? — спросил я. — Ты собираешься жить с другой.

— Собираюсь. Но это не делается за один вечер. Я не сказал ей: выметайся. Мы могли бы нормально всё обсудить.

— Она ушла сама.

— А теперь сидит у Ксении. Там за два дня ей такого наговорят, что мы потом вообще не сможем общаться. Ты её знаешь, эту подругу?

— Знаю.

— Вот и я знаю. Вера сейчас слушает всех, кроме меня. А ты подыгрываешь, ещё и своим присутствием. Очень удобно: младший сволочь, старший приехал спасать.

Слово «спасать» зацепило. Вчера я успел предложить Вере и вернуться, и оставить уроки в прежней квартире. Она сказала: «Я умею считать», — и я обиделся. Уже в дороге понял, что даже не спросил, как она собирается работать. Но признаваться в этом Антону не хотелось: он тут же сделал бы из моего неудачного вопроса разрешение отвезти жену обратно.

— Я перевёз её вещи. Спасателем ты меня назначил сейчас.

— Ты мой брат, Марк. Я рассчитывал, что сначала мы с тобой поговорим. Ты же видел, что я стоял там утром, всё мог спросить.

— Ты мог сам сказать правду ещё в июле.

— И получить вот это?

Антон показал на меня кружкой, будто я уже входил в список случившихся с ним неприятностей. Я встал, открыл окно. За забором громыхали контейнеры, пахло влажной листвой и отработанным маслом; спорить на этом фоне стало легче, чем в тесном кабинете.

— Я не буду уговаривать её возвращаться.

— Тогда хотя бы не говори ей, что я негодая.

— Не говорил.

— Спасибо и на этом. — Он допил кофе, встал. — Я к маме сейчас. Она приготовила, тебя тоже ждёт. Приедешь?

Я вспомнил, что накануне не ответил на её сообщение. Мать прислала фотографию пирога и спросила, буду ли к четырём. Антон уже снимал куртку со спинки моего стула: он привёз просьбу, не получил нужного ответа, но семейный обед всё равно оставался в силе.

— Попозже заеду.

— Только ты ей не выкладывай всё, что Вера наговорила. Мама и так расстроена.

Он ушёл, оставив кружку на столе. Я взял её за ручку и понёс мыть, хотя из соседней комнаты уже вышел Павел и спросил, закончили ли мы. От братова «не выкладывай» до сих пор сводило челюсть. Ещё вчера я и сам хотел сразу набрать его номер, рассказать про беременность и заставить хоть что-нибудь сделать правильно. Пришлось бы потом объяснять Вере, что я лучше знал, когда ей надо сообщить собственную новость.

Павел положил передо мной два акта, сел на освободившийся стул и вытянул ноги. На носке ботинка засохла белая полоса. Он заметил мой взгляд, попытался соскрести её каблуком и только размазал.

— У ворот опять лужа, — сказал он. — Клиент полез с той стороны, где мы мешок поставили. Теперь спрашивает, чем обувь отмыть.

— Дай ему тряпку. И ворота с этой стороны закройте.

— Уже. Подпиши, я домой пойду. Мне ещё в магазин.

Я просмотрел бумаги. Обычно оставлял воскресенье ему, а сам заезжал при необходимости. Сегодня приехал ради разговора с Антоном и задержал подпись двух актов. Павел не спрашивал, из-за чего приезжал брат. Мы дружили давно; он знал, как я разговариваю с родственниками, которые просят посмотреть машину, и сегодня держался подальше.

— Завтра я утром буду, — сказал я. — Ты позже приходи. Только список по заказам отправь сегодня.

Павел забрал бумаги, но у двери задержался.

— Поел хоть? Там в холодильнике контейнер. Я второй оставил.

Я сказал, что еду к матери. Павел ушёл, и кабинет опустел. Я достал телефон, открыл переписку с Верой. Хотел спросить, как она себя чувствует, предложить поездку к врачу. Ещё вчера мне хватило бы её «спасибо», чтобы забыть об этом до следующей просьбы. Сегодня я смотрел на время последнего сообщения и прикидывал, чем она сейчас занята.

Удивительно, что мне всё равно хотелось получить ответ. Любой: хоть про плед, который остался на её пианино. Я вспоминал вчерашнюю кухню, сыр на маленькой тарелке, Верину «чай будешь?» — она спросила так, будто надеялась, что я откажусь, а когда я согласился, засмеялась и забрала треснувшую чашку, за которой я потянулся. У неё на щеке остался след от салфетки. Я заметил, но промолчал, потому что пришлось бы долго смотреть ей в лицо, а она и без того отводила глаза.

Когда я взял нож, наши пальцы задели друг друга. Вера убрала руку; я почувствовал это касание уже после, пока резал сыр. Она сидела напротив, в свитере, и говорила, что у неё есть деньги. Мне хотелось ещё посидеть там, хотя чай давно остыл и сервис ждал. Я задержался бы и без звонка Антона. Даже сейчас хотелось рассмешить её ещё раз, увидеть, как перестаёт щуриться, забыв о распухших глазах.

Я написал: «Пианино после дороги проверила?» Подумал о работе, которую она завтра должна была начинать неизвестно где, и стёр вопрос. Два года назад я помогал им со стойкой этого инструмента, потом забирал коробки на склад. Вера стояла рядом с Антоном, оба спорили об упаковке: вдруг понадобится вернуть покупку. Я помнил размер самой длинной коробки и почти не помнил, о чём тогда говорил с Верой. Вчера же мне не хватило двух часов; теперь я искал причину получить ещё хоть десять минут.

Я так и не отправил ни одного сообщения. Забрал ключи и вышел. Мать позвонила уже у ворот, спросила, далеко ли я. Я сказал, что буду через двадцать минут, и пропустил троллейбус, который медленно разворачивался на соседней улице.

Антон уехал от матери до моего приезда. На столе стояли три тарелки, одна уже пустая, а мясо она снова поставила в духовку. Я поцеловал её в висок, отнёс пакет с яблоками на кухню. Купил по дороге, чтобы зайти с чем-нибудь в руках. Мать открыла пакет, сразу нашла мягкий бок у одного и положила его отдельно.

— Зачем столько? Я одна.

— Съешь. Или пирог сделаешь.

— Пирог я уже сделала. Ты сядь, остынет всё.

Она разрежала ещё тёплый пирог, переложила кусок на мою тарелку, потом сняла его и дала другой, побольше. Я взял вилку. В детстве на этом месте сидел отец; когда я вытянулся выше него, мы поменялись стульями, потому что мне тесно было возле стенки. После его смерти я так и остался здесь. Мать сама никогда не садилась к окну.

— Антон тебя ждал, — сказала она.

— Мы сегодня уже виделись.

— Знаю. И поговорили, как я понимаю, не очень хорошо.

Я отрезал мясо, долго жевал. Мать подала хлеб и спросила, хватает ли соли. Хотелось минут десять есть, не обсуждая никого, и я начал рассказывать про водителя, который приехал с неисправной машиной, но сначала требовал подключить телефон к нашей зарядке. Она послушала, спросила, чем всё закончилось, потом всё-таки вернулась к Антону.

— Он не знает, как теперь к Вере подойти. Ты вчера у неё был?

— Отвёз вещи. Она угостила чаем.

Мать посмотрела на меня, словно чай мог оказаться частью разговора, который ей не пересказали. Я чувствовал себя мальчишкой, скрывшим плохую отметку, и злился уже на неё за то, что не позволяла спокойно поесть. А она перед моим приездом грела мясо, переставляла тарелки, вытаскивала вторую чашку. Потом будет мыть всё за мной. Я взял пустую хлебницу и пошёл на кухню за хлебом, хотя она сразу сказала, что сама принесёт.

— Что тебе Антон говорил летом? — спросил я, возвращаясь.

— Что у них не ладится. Что давно уже каждый сам по себе. Я думала, Вера тебе тоже сказала.

— Она узнала про другую женщину в пятницу. До этого считала, что у них всё нормально.

Мать присела напротив, поправила клеёнку у края стола. Из-под неё выглянула царапина, оставленная отцовским инструментом. Он однажды пытался починить замок прямо здесь, она кричала, что надо хотя бы газету подстелить. Вечером мы ели за этим же столом, и отец показывал пальцем на новую царапину, говорил, что её всё равно никто не увидит под тарелкой.

— Он глупость сделал, — сказала мать. — Знаю. Но если сейчас все отвернутся, легче не будет.

— Я от него не отвернулся. Он сегодня приезжал ко мне, пил кофе.

— С кофе-то любой умеет. Ему сейчас с женой надо разобраться.

Я посмотрел на тарелку, в которой почти не осталось мяса. Вчера Вера просила не говорить матери; сегодня мать выясняла, о чём мы с ней говорили. Сам я всё утро пытался придумать повод ей написать. Я уже знал, какого звонка от меня ждут дома. Удобно было бы пообещать, а потом позвонить и спросить, как дела, даже не упоминая мужа.

— Он сказал, что хочет жить с Дианой. Я чем помогу?

— Он сгоряча много чего сказал. Восемь лет прожили. Ты думаешь, вот так всё закончилось?

Я не знал, закончилась ли для Веры привычка ждать мужа домой. Вчера она долго смотрела через стекло на Антона, который остался у подъезда. Но возвращаться не хотела, а мне пока хватало этого ответа. Мать встала убрать тарелки. Я забрал у неё две и понёс в кухню; она стояла рядом, пока я смывал остатки еды.

— Ты же у нас всегда мог с людьми договориться, — сказала она. — Даже тогда, после папы. Все растерялись, а ты собрался.

Мне было двадцать четыре. Я помнил не то, как собрался, а как после похорон нашёл в кармане отцовской куртки деньги и пересчитал: хватало на часть того, что мы успели занять. Сел на табурет возле вешалки, всё ещё в ботинках, и минут пять держал купюры. Мать пришла,

спросила, почему не раздеваюсь. Я не сказал про карман. Встал, снял ботинки и пошёл к телефону договариваться о следующей смене.

Антону было восемнадцать, он как раз собирался поступать. После поминок мать положила передо мной список расходов на подготовку, учебники, жильё в другом городе. Он сидел рядом, глядя на лист, потом сказал, что может год подождать. Я ответил: «Не надо». Зимой менял работу, летом брал дополнительные смены; за учёбу мы платили несколько лет, иногда я переводил деньги прямо перед последним днём. Антон звонил, напоминал, а после перевода перезванивал ещё раз и спрашивал, как дела. Мы не обсуждали, сколько я спал в те месяцы.

Я гордился, когда он окончил учёбу. На выпускной ехал ночью, чтобы успеть к утру, купил по дороге рубашку, потому что свою оставил в сервисе. Антон познакомил меня с преподавателем, сказал: «Это мой брат». Я потом несколько дней вспоминал, как он это произнёс. Сейчас от той же фразы хотелось прервать разговор, и в этом было что-то мерзкое. За оплаченную учёбу мне не полагалось решать, кого брату любить. Но врать Вере я тоже не собирался, как бы он ни напоминал о семье.

Мать открыла шкаф, достала контейнер, начала укладывать остатки пирога. Сказала, что с работы приеду поздно и опять буду есть что попало. Я стоял у раковины с мокрыми руками, смотрел, как она подбирает крышку, и понимал, что сейчас просьба прозвучит ещё раз. Можно было заранее пообещать позвонить Вере, забрать еду и уйти. Мать перестала бы ждать ответа, а я получил бы повод услышать Верин голос. Она закрыла контейнер, подвинула ко мне и попросила: «Поговори с ней, Марк. Тебя она послушает. Помоги им сохранить брак».

Глава 4. Моих денег хватит

В понедельник я заняла половину Ксюшиного стола тетрадь, телефоном и конвертом с деньгами. На второй половине она пыталась позавтракать, отодвигая мои расчёты от тарелки. Я успела обзвонить родителей: двое согласились принять меня у себя, у остальных дома инструмента не было. Их уроки перенесли на среду и четверг, и теперь эти дни стояли в тетради с вопросительными знаками. Ксюша посмотрела поверх моего плеча, ткнула пальцем в строку «квартира» и спросила, зачем я вычеркнула её три раза.

— Потому что двадцать, двадцать пять и двадцать восемь — разные деньги. За двадцать однушка, в которой вместо кровати диван. За двадцать пять тоже диван, но его сфотографировали при свете.

— Тебе нужен диван или спальное место?

— Мне нужно, чтобы в объявлении «пианино можно» не означало «жалоба от соседей, съезжайте».

Ксюша спросила, разве я хочу принимать людей там, где буду жить. Я сказала, что не знаю, как оплачивать сразу два помещения. В нескольких объявлениях прямо запрещались занятия на дому; я всё равно сохраняла их на случай, если других не найдётся.

— Я комнату на Лесной смотрела, — сказала она. — Помнишь, жаловалась, что по автобусам мотаюсь? В студии, где вокал и гитара. Там преподаватель съехала, теперь они пытаются сдать целиком.

— Ты говорила, что дорого.

— Для одной дорого. Вдвоём шестнадцать поделим. Мне хватит трёх вечеров и субботы, остальные привыкли дома. Ты днём и в свои вечера. Только расписание нормально составим, а то обе приведём по ученику.

На фотографии были два стула, узкий шкаф и окно с жёлтой плёнкой в углу. Я увеличила снимок: поставить клавиатуру рядом с батареей не получится, у противоположной стены места хватало. Ксюша заметила, что я уже примеряю инструмент, и пододвинула телефон ко мне.

— Восемь в месяц. И сразу ещё четыре — моя половина залога, — посчитала я. — Потом жильё. А есть мы как будем?

— Я собираюсь как прежде. Ты мне не весь хлеб доедаешь. — Она посмотрела на закрытый конверт. — Вер, сколько уроков у тебя остаётся, если не брать новых?

Я написала число. Шестнадцать в неделю, если никто не заболеет и не передумает учить ребёнка музыке. С сентября возвращались школьники. Раньше я не складывала их так тщательно, а теперь после каждой отмены приходилось вычитать тысячу; это почему-то было тяжелее, чем смотреть на общий остаток.

— Считай. Только меня не включай в расходы за диван. Я сама тебя позвала. Когда подберёшь квартиру, тогда съедешь.

Я всё-таки записала «продукты», несмотря на её сердитый взгляд. Пятидесяти двух тысяч с небольшим хватало на комнату и самый скромный съём, если залог за квартиру не требовали за целый месяц. После этого почти ничего не оставалось. Никитиной маме пора было платить за следующие четыре урока, ещё две обещали перевод вечером. Я обвела цифру, потом стёрла кружок: деньги пока не пришли.

— Сегодня можем посмотреть? — спросила я.

— Я хозяйке напишу. Только с шести до восьми занята. Не обижайся, если трубку не возьму.

Я собрала купюры в конверт. Марку хотелось отправить фотографию тетради: пусть посмотрит, что я не просто уехала и сижу у подруги. Я не отправила. Вместо этого нашла кли-

нику, где когда-то была у Ирины Котовой, и записалась на пятницу. У врача это оказалось единственное свободное утро до следующей недели; я запомнила время и закрыла приложение.

Антон позвонил, когда Ксюша уже застёгивала футляр. Я дождалась, пока за ней закроется дверь, и ответила.

— Доброе утро. Ты сегодня работаешь?

— Да. На выезде.

— Родителей предупредила? Мне вчера женщина написала, уточняла время. Я сказал, пусть у тебя спросит.

Это могла быть мама Сони: однажды она взяла его номер, когда я потеряла телефон. Я попросила переслать сообщение. Он сказал, что уже ответил. Потом спросил, выспалась ли я; от обычного вопроса горло опять сжалось.

— Нормально. Ты что-то хотел?

— Да. Послушай меня хотя бы две минуты. У Ксении ты долго не проживёшь, сама понимаешь. Можно пока вернуться. Найдёшь квартиру без спешки, спокойно проведёшь уроки.

— Я ищу комнату для занятий.

— Ещё и комнату? Вера, зачем тебе эти расходы?

Только что я сама задавала почти тот же вопрос Ксюше, а теперь хотелось закончить звонок. Антон объяснял, как подорожало жильё в Реченске. Я представляла, как он возвращается после клиники, идёт мимо моего кабинета. За дверью играет ученик. Мне надо дожидаться конца урока, чтобы узнать, останется муж сегодня или поедет к Диане.

— А ты где будешь жить, пока я ищу? — спросила я.

— Дома. Иногда... Вера, неужели нам надо отчитываться друг перед другом? Я ведь тебе честно всё сказал.

Хотелось ответить так, чтобы ему стало больно. Я уже открыла рот, потом услышала, как он устало вздохнул, и передумала: сейчас опять начнётся про то, что со мной невозможно разговаривать.

— Я не вернусь. Если та женщина ещё напишет, дай мой номер.

— У неё он есть. Она тебе звонила.

Я проверила пропущенные: один незнакомый. Антон сразу оживился, сказал, что я сама вижу, как всё неудобно. Я обещала перезвонить и закончила разговор. Осталась с тетрадью и злостью, из-за которой едва не отменила просмотр комнаты: слишком хотелось доказать ему, что обойдусь без неё тоже.

Никита встретил меня в носках разного цвета и повёл к своему инструменту, не дав снять куртку. Дома у него стояло пианино, тяжёлое, коричневое, с царапиной на крышке. Мама предупредила, что левая педаль не работает, и ушла отвечать на рабочий звонок. Никита дождался, пока она скроется за дверью, и шепнул, что педаль на самом деле сломал папа, когда двигал пианино. Я сказала, что сегодня обойдёмся без неё, достала тетрадь и попросила сначала сыграть гамму.

Он начал с такой скоростью, что я не успела сесть. После первого спуска пришлось остановиться. Никита обиженно опустил руки и спросил, нельзя ли уже пьесу: гамма у него получается дома каждый день.

— Покажи последний раз медленно, и перейдём. Я должна услышать, как ты подставляешь большой палец.

— Там ничего не слышно. Он снизу.

— Тем более мне интересно.

Никита покосился на меня, проверяя, смеюсь ли. Я сама сыграла две ноты, неудачно подвернула руку и нарочно стукнулась ногтем. Он расхохотался, сразу же показал, как надо, а потом всё-таки сыграл целиком. На верхних клавишах была пыль. Его мать, вернувшись, хотела вытереть её рукавом, но я покачала головой: не мешайте, у него сейчас получилось.

К середине урока перестали дрожать пальцы. Никита держал длинную паузу, глядя на меня: вовремя ли он вступил? Я слушала, отмечала в нотах трудное место и наконец услышала кусок пьесы, ради которого мы возились с ней две недели. Захотелось попросить сыграть ещё раз, уже для себя.

— Вот! — Он отнял руки от клавиш раньше последнего аккорда. — Вы слышали?

— Слышала. Только конец доиграй, он тоже твой.

Он вздохнул и начал сначала. После урока мама спросила про новый адрес. Я сказала, что пока смотрю помещение на Лесной, и приготовилась объяснять, почему теперь туда. Она спросила только, останутся ли понедельник и среда на пять. Никита уже залез за пианино и пытался показать мне папину царапину; пришлось достать его за пояс штанов, пока он не опрокинул горшок.

— Оба дня останутся. Адрес пришлю, как только договорюсь.

— Хорошо. Нам от школы даже ближе. А в эту среду опять к нам придёте?

Я обещала сообщить завтра. Она перевела деньги за сегодняшний урок и три следующих; телефон тихо звякнул в кармане, и я впервые за день не испугалась этого звука. Четыре тысячи уже можно было учитывать. Никита попросил наклейку за гамму и выбрал самого маленького динозавра. Большого велел оставить тому, кому будет трудно.

На лестнице я прислонилась к прохладной стене. У них в прихожей пахло жареным луком; я терпела, пока обувалась, а теперь никак не могла справиться с подкатывающей тошнотой. Постояла, достала воду. На этаж поднялся мужчина с маленькой собакой, спросил, не плохо ли мне. Я ответила, что просто жарко, и расстегнула ворот. Ещё один урок, потом автобус к Ксюше. Я посидела на ступеньке, пока внизу не хлопнула дверь, и пошла.

К среде у меня были ключи от комнаты и подписанные нами с Ксюшей экземпляры договора. Из конверта ушло двенадцать тысяч. Мы ездили смотреть студию во вторник между её уроками. Комната оказалась меньше, чем на снимках, зато у двери хватало места для двух моих складных стульев. Я проверила розетки, Ксюша послушала, как слышно соседнего гитариста. Когда хозяйка начала записывать только её фамилию, мы попросили вписать обе: каждая платила свою половину. Мои восемь тысяч за месяц и четыре залога она приняла отдельно от Ксюшиных. Мы уточнили, кто убирает и нет ли доплаты за вечер. Свой экземпляр я убрала в папку с расписанием.

С жильём получалось хуже. В одной квартире собственница согласилась на десять тысяч залога вместо двадцати, но на просмотр могла только в субботу. Я сохранила объявление, попросила написать, если сдаст раньше, и продолжала жить у Ксюши. Вчера купила продукты, вечером получила ещё один перевод за уроки. Даже после оплаты комнаты накопления не кончились, однако конверт заметно похудел. Я убрала его в чемодан до приезда Марка.

Позвонила ему сама во вторник: спросила, можно ли перевезти ещё раз. Он помолчал, потом уточнил, где ждать. Я начала торопливо объяснять, что из квартиры Ксюши, что всё уже разобрано, что на этот раз недалеко. Он перебил: «В среду к одиннадцати получится?» Я сказала, что первый урок в новом месте в два, и теперь слушала, как он негромко ругается на стойку в узкой прихожей.

— Кто её сюда так задвинул? — спросил он, вытаскивая.

— Ты.

— Удобно устроил.

Я засмеялась и впервые не стала прятать улыбку. Ксюша была на уроках; я оставила сообщение, что в коридоре наконец свободно. Марк завернул клавиатуру в плед и попросил меня придержать дверь лифта. Больше не надо было спорить с Антоном возле багажника. Мне даже удалось поблагодарить Марка без того неприятного чувства, что он сейчас ответит: «Мы же семья».

По дороге я рассказывала про комнату. Про шкаф, ключ от которого потеряли, про часы Ксюши, про детей, которых пришлось распределять заново. Марк слушал, иногда спрашивал. Возле студии он не нашёл въезда во двор, проехал дальше и вдруг сказал, что мы сегодня едем без осадков. Я подумала о погоде, потом поняла, что он вспомнил мои слёзы в субботу, и почувствовала, как лицо стало горячим.

— Может, мне ещё не понравится комната. Тогда наверстаю.

— Тогда сразу к Ксении или покатаемся?

Он говорил спокойно, но я услышала в голосе улыбку. Я показала, где можно свернуть, а возле входа попросила подождать: сначала принесу ключи от задней двери, там ближе к лестнице.

Комната была на втором этаже. Марк поднял инструмент за два захода — отдельно клавиатуру, отдельно стойку с сумкой. Я несла стулья, придерживала двери. Хозяйка вышла из кабинета и предложила поискать кого-нибудь покрепче. «Уже нашёл», — ответил Марк, перехватывая инструмент. Я боялась посмотреть на неё: вдруг заметит мою довольную улыбку.

В комнате мы развернули плед, поставили клавиатуру. Марк хотел придвинуть к окну, я попросила развернуть вдоль стены.

— Свет же справа будет, — сказал он.

— Так хорошо. Ребёнок сядет здесь, я рядом. А родители не будут смотреть ему в затылок. Подержи, пожалуйста, я педаль достану.

Марк подержал, пока я разбирала сумку, потом мы вместе сдвинули стойку на несколько сантиметров. С первой попытки не получилось: шнур оказался коротким, пришлось менять розетку и снова отодвигать инструмент. В конце я села, нажала несколько клавиш. Нижнее ля ответило только со второго раза. Марк присел рядом, будто собирался посмотреть под стойку.

— Не там, — сказала я. — Внутри. Иногда пропадает звук, надо в ремонт.

— Мастера знаешь?

Я назвала магазин, где обещали принять инструмент на диагностику. Пока не отвезла: у них просили оставить на несколько дней. Марк попробовал клавишу, затем соседнюю, спросил, что делать, если это случится на уроке. Я показала, как переносу упражнение выше. Он повторил, попал сразу в две ноты и удивлённо отнял палец.

— Тесно, — сказал он.

— Остальные как-то помещаются.

— У них руки моложе.

Я подвинулась, освобождая край стула. Марк не сел, остался на корточках; я показала начало Никитиной пьесы, и он попробовал одним пальцем. На третьей ноте сбился, посмотрел на меня с явным подозрением: не скрываю ли я более простой способ. Я взяла его правую руку, поставила на клавиши и раздвинула пальцы. На большом была свежая ссадина. Я старалась не задеть её, но вдруг поняла, что думаю совсем не о том, как ему играть.

— Вот так удобнее, — сказала я.

Он поднял глаза. Мне стало неловко объяснять ему что-либо таким голосом, пока моя рука лежала поверх его. Я убрала её, а Марк доиграл первые четыре ноты, медленно, по одной. Последнюю держал слишком долго. Я могла попросить отпустить, но почему-то молчала, глядя на его пальцы. Мне не приходилось касаться его дольше случайного движения у кухонного стола; теперь хотелось поправить руку ещё раз.

Он встал, и я потянулась за нотами, чтобы не смотреть на него снизу. Когда поднялась, плечом задела его рукав. Стул скрипнул, отъезжая, Марк поймал его за спинку и только тогда отступил. Я положила ноты на пюпитр обратной стороной к себе и торопливо перевернула; он видел, но ничего не сказал.

— Ты во сколько заканчиваешь? — спросил он.

— Сегодня в семь. Потом ещё комнату надо закрыть, хозяйка показала сигнализацию. А тебе ехать?

— В сервис. Но не прямо сейчас.

Я нашла в сумке телефон, проверила время. До первого урока оставалось больше часа. Марк сложил плед, положил на шкаф и спросил, забрать ли его. Я сказала, что пригодится прикрывать инструмент, пока не найду чехол. Он кивнул, поправил край, чтобы не свешивался на дверцу. Я уже поблагодарила его за перевозку. Можно было попрощаться, но я медлила возле клавиатуры, прислушиваясь к гитаре за стеной.

— Тут чайник есть, — сказала я. — В коридоре. Чашки я вчера купила, ещё не распаковала. Может, чаю?

Марк посмотрел на часы и остался у шкафа, не направляясь к двери.

— Давай. Только я не умею из маленьких, придётся доливать.

— Я уже заметила.

У меня самой оказались маленькие: взяла две дешёвые в магазине по дороге из студии. Я достала их из бумаги, показала Марку, и мы оба рассмеялись, будто договорились о чём-то заранее. Он сказал, что справится, взял чашки и пошёл за мной к раковине. Я спрашивала, пьёт ли он с сахаром, хотя точно знала ответ, потом не смогла вспомнить, в каком шкафу видела чай. Марк сказал, что сам поищет, а я зачем-то пошла следом. Мы разговаривали вполголоса, проходя мимо чужого урока, и голос у меня звучал мягче обычного. Я достала две ложки, попросила помочь с тугой крышкой сахарницы, потом вспомнила, что он пьёт без сахара. Марк всё равно открыл её и понёс за мной вместе с чашками.

Глава 5. Кого я позову с собой

В четверг я застала Ксению на кухне: она выбирала из риса чёрные зёрнышки и злилась на пакет. На плите уже булькала вода. Я посмотрела на две приготовленные миски и поняла, что сейчас опять сяду ужинать, отвечу на вопросы об учениках, а потом буду ждать, когда Ксения уйдёт мыться, чтобы незаметно достать из чемодана папку с анализом.

— Ксюш, я беременна, — сказала я, пока не успела придумать, почему лучше отложить до завтра.

Она подняла голову. Я потянула сумку с плеча, но ремень зацепился за волосы; пришлось распутывать его под Ксениным взглядом, торопясь сказать остальное.

— Неделя девятая начинается. По моим подсчётам. Завтра к врачу.

Ксения подошла и крепко обняла меня, прижав мой локоть к сумке. За сегодняшний день я провела четыре урока, всё время что-то объясняла, показывала, улыбалась. А сейчас даже снять пальто не могла без того, чтобы не заплакать.

— Ну ты чего одна с этим? — Ксения отступила, разглядывая моё лицо. — Всю неделю?

— Я хотела сначала сходить. А потом... Не знаю, Ксюш. Мне казалось, если начну говорить, придётся сразу объяснять, что дальше делать.

— Я рис сварить толком не могу. Какое «дальше делать»? Ты хоть ела сегодня?

— Ела. Не начинай.

Она долила воду в кастрюлю и высыпала рис. Я сняла пальто, вытерла лицо её кухонным полотенцем, за что обычно получила бы замечание, и села.

— Антон знает?

— Нет. Скажу после приёма. Марк знает, я ему в субботу рассказала.

— А мне сейчас, — произнесла Ксения и убавила огонь. Я приготовилась оправдываться, но она повернулась ко мне уже с двумя ложками. — Ладно. Я немножко обиделась, попозже пройдёт. Завтра тебя проводить?

У неё с утра была ученица, которую перед конкурсом нельзя было оставлять без занятий. Мне хотелось согласиться: тогда не пришлось бы объяснять себе, почему я уже полчаса думала о другом человеке.

— Не надо переносить. Я попрошу Марка.

Она кивнула. Когда я вышла с телефоном в прихожую, рис убежал; за спиной послышался Ксенин сердитый шёпот, и я впервые за вечер улыбнулась.

Марк ответил не сразу. Я уже собиралась отменить звонок, когда услышала его голос и шум воды; он извинился и закрыл кран.

— У меня завтра приём в десять. Ты можешь приехать? Мне не столько машина нужна... Подождать рядом. Если время есть.

— Есть. Где?

Я назвала клинику. Он сказал, что заберёт меня без двадцати десять у магазина возле Ксениного дома.

После звонка я ещё постояла в прихожей, стараясь не придумывать Марку второго сообщения. Из кухни уже пахло ужином, Ксения звала меня есть.

В клинике мы сели у кабинета Котовой. Марк занял край двухместного дивана, я положила между нами сумку с папкой. Здесь, среди женщин с округлившимися животами и мужчин, державших чужие куртки, я вдруг увидела нас со стороны и подтянула сумку к себе.

— Ты можешь внизу подождать, — сказала я. — Тут тесно.

Он посмотрел на пустое кресло напротив, потом на меня.

— Могу. Тебе как лучше?

Сказать, что мне спокойнее, когда он сидит рядом, оказалось труднее, чем позвонить вчера из Ксениной прихожей.

— Останься. Только в кабинет я одна.

— Хорошо.

Ирина Сергеевна назвала мою фамилию. Марк приподнялся, пропуская меня, и остался у дивана. Врач закрыла за мной дверь.

— Вера, здравствуйте. Давно не виделись. С чем сегодня?

У неё были те же короткие волосы и очки на длинном шнурке. В прошлый раз она посоветовала записывать вопросы в телефон. Сегодня список у меня был, но доставать его было стыдно: я ночью написала там про свои слёзы, про бессонницу, про всё, что не умела остановить.

Я положила на стол лабораторный результат и рассказала про тесты. Открыла календарь, чтобы назвать дату последней менструации. На той неделе в нём стояла пометка про Антонов выходной. Я смотрела на неё, пока врач уточняла, первая ли это беременность, какие лекарства я принимала и были ли боли. Отвечала с задержкой, хотя вопросы были простые.

— Беременность желанная?

— Очень.

Ирина Сергеевна отложила ручку. Я, наверное, слишком громко ответила.

— У меня муж... Мы сейчас разошлись. Я пока живу у подруги.

— Поняла, — сказала она. — Есть кто-то, кто может помочь вам в ближайшее время?

Я вспомнила Ксению над кастрюлей и мужчину за дверью. Кивнула, не называя имён.

Котова объяснила, что сделает УЗИ: на таком сроке лучше посмотреть внутренним датчиком. Я согласилась, прошла за ширму и сняла туфли. Одна завалилась на бок под кушеткой, и, пока я ложилась, я думала только о том, что потом придётся её доставать. Было проще думать об этом.

Монитор был повернут к ней. Я смотрела на лицо Котовой, пытаюсь угадать всё раньше, чем она скажет. Она что-то измеряла, и молчание казалось слишком долгим; я зажала под собой край одноразовой простыни.

— Беременность в матке, один эмбрион. Размер соответствует примерно восьми полным неделям. Сердечная деятельность есть.

Врач повернула экран. В тёмном овале было крошечное серое пятнышко, в нём быстро мерцало что-то почти неразличимое. Я приподняла голову, боясь, что сейчас изображение исчезнет.

— Вот здесь, видите?

— Это он?

— Да. А это сердечко.

Я видела гораздо меньше, чем рассчитывала после чужих красивых фотографий. И всё равно заплакала так внезапно, что не успела прикрыть рот. Врач подала салфетку. Я скомкала её у щеки, продолжая смотреть на экран.

Восемь лет я представляла, как мы с Антоном придём сюда вместе. В одних этих мыслях он шутил, в других становился серьёзным, брал меня за руку и больше не отпускал. Сейчас от этого стало больно под рёбрами. Я уже видела малыша, но всё ещё ждала движения той руки, которой здесь не было.

— На сегодня картина соответствует сроку, — сказала Ирина Сергеевна. — Дальше будем наблюдать, сдавать анализы. Это первый шаг.

Когда я оделась, она распечатала заключение и маленький снимок. Слово «эмбрион» в тексте мне не нравилось: на экране я уже видела малыша. Я положила изображение сверху.

Котова назвала анализы крови и мочи, объяснила, что первый скрининг будет через несколько недель, и отметила подходящие даты. Я решила дальше записаться к Котовой в женскую консультацию: оплачивать все приёмы здесь мне сейчас трудно. Она написала, с какими результатами туда прийти.

Я всё-таки показала ей свой список. Мы поговорили о сне и еде; мне не пришлось рассказывать про Диану. Ирина Сергеевна не ругала меня за слёзы. Я попросила дать мне минуту записать её рекомендации, пока не забыла.

Марк ждал у окна. Я сказала, что всё соответствует сроку, и замолчала: хотелось снова разреветься от того, что он сейчас смотрел на меня, не заглядывая в папку.

— Хочешь воды?

Я покачала головой и достала снимок.

— Посмотри.

Он взял его за свободный край. Нахмурился, пытаюсь разобраться, где что, и я невольно улыбнулась: ровно такое лицо было у него в среду перед клавишами.

— Вот это. Маленькое, внутри.

— Вижу, — ответил Марк не сразу. — Совсем крошечный.

— А на экране мерцало. Здесь не видно, конечно.

Наши плечи соприкоснулись, пока я показывала ему снимок. Я не хотела выпрямляться, хотя уже объяснила всё, что понимала сама. Марк посмотрел на меня, и я забрала фотографию слишком быстро.

В регистратуре за приём с УЗИ я заплатила пять тысяч двести. Отодвинула предложенную Марком карту, достала свою; улыбка с его лица пропала. Отказ вышел резче, чем я собиралась. Я догнала его у лестницы.

— Я знала, сколько стоит. Записалась же сама.

— Я понял.

— Ты обиделся?

— На секунду. Сейчас уже нет, — сказал он и неловко улыбнулся. — Пошли?

Он пропустил меня на лестнице, но я не пошла дальше.

— У меня первый урок в два. Я бы ещё немного посидела где-нибудь. Ты спешишь?

— К двенадцати нужно быть в сервисе. До этого свободен.

У открытой двери ближайшего кафе от запаха кофе меня повело. Я оглянулась на соседнюю улицу и позвала Марка в маленькую столовую с пирогами в витрине. Там пахло тестом и укропом; почему-то это я перенесла спокойно.

Я заказала суп, чай и пирожок, хотя утром не могла смотреть на завтрак. Марк взял чай и два таких же пирожка. Я попросила посчитать всё вместе и приложила карту раньше него.

— Пять тысяч мне нельзя, а сто восемьдесят тебе можно? — спросил он, принимая поднос.

— Именно. Сто восемьдесят я потяну.

— Хорошо. В следующий раз попробую начать со ста.

Я засмеялась. Мы переставили на столе чашки и тарелки, будто часто вместе обедали. От этой лёгкости я опять смутилась, но сумку между нашими стульями уже не положила.

Марк спросил про неисправную клавишу. Я рассказала о магазине, куда надо отвезти инструмент на несколько дней. Он предложил спросить у знакомого мастера, можно ли посмотреть на месте.

— Только сначала узнай, сколько это стоит, — сказала я. — А то выяснится, что человек тебе должен и я опять буду отказываться от чего-нибудь бесплатного.

— Он мне ничего не должен. Наоборот, я ему до сих пор не вернул дрель.

— Серьёзно?

— Второй год пошёл. Я её положил в такой надёжный шкаф, что забыл, в какой.

Мне понравилось представлять, как он стоит посреди собственного сервиса и безуспешно открывает шкафы. В Антоновом доме Марка считали человеком, у которого всегда всё на месте.

— Если найдёшь, отдай до звонка. Будет неудобно просить приехать, пока его вещи у тебя.

— У меня есть два подозрительных места.

Я рассказала про Никиту, который выбрал самого маленького динозавра на моём листе наклеек, а большого оставил тому, кому трудно. Марк слушал, держа пирожок над тарелкой, потом спросил, как я сама не начинала смеяться на занятиях.

— Иногда начинаю. В среду он повернул тетрадь к клавиатуре, чтобы динозавр тоже смотрел на мои руки. Ему учиться надо, раз живёт в нотах.

— У меня один водитель так ведёт себя с фургоном. Говорит: не трогайте сегодня, она расстроилась. Потом выясняется, что он забыл долить масло.

— Ты на него ругаешься?

— Очень. Но разговариваю с машиной тоже. Особенно когда болт не идёт.

— А я считала, что ты вообще никогда не ругаешься. На семейных праздниках сидишь, ешь салат и спрашиваешь, кого отвезти. Я решила, что у тебя всё спокойно и устроено.

— Салат тут мало о чём говорит, — сказал он. — Просто я его люблю.

— А что любишь кроме салата?

Вопрос вырвался сам. Я положила ложку и ждала; теперь хотелось услышать что-нибудь о нём самом.

— Летом на велике к старому карьеру езжу. Возвращаюсь весь в песке, соседи считают, что я работаю на стройке.

— Один?

— Обычно. Павел обещает со мной, но любит поспать. А к вечеру я ленюсь. Ещё музыку слушаю, только не разбираюсь. Может нравится одна песня, а следующую у тех же людей хочется выключить.

— Для этого разбираться не обязательно.

Антон говорил, что Марк проводит все выходные в сервисе. Я верила, даже не спрашивая его самого. Мы восемь лет были знакомы, а выяснилось, что он ездит на велосипеде, о котором я никогда не слышала.

— Давно ездешь?

— Года три. Купил, когда штаны перестали застёгиваться. Толку мало, но понравилось. А ты? Кроме учеников.

Я хотела ответить про книги, но последнюю дочитала весной. Зато вспомнила вещь, которую никому не называла увлечением.

— Люблю магазин тканей возле вокзала. Шить не умею, но можно всё потрогать, придумать, куда бы это подошло. Продавцы меня знают. Однажды купила три метра для штор, так они от удивления чуть не обняли.

— Сшила?

— Ксения помогла. Кривовато. Дома висят... Висели. Сейчас, наверное, тоже висят.

Я замолчала: даже шторы привели к Антону. Марк предложил мне половину пирожка, и, доедая, я рассказала про Ксенины ножницы, которыми запрещено резать что-либо кроме

ткани. Скандал из-за подарочной бумаги мы вспоминали три года. К концу истории я снова могла смотреть на него.

Его телефон завибрировал на столе. Экран оказался повёрнут ко мне; я успела прочитать «Антон Северин», прежде чем Марк перевернул его. Меня дёрнуло так, будто муж видел нас из-за стекла. Я уже почти забыла, кем приходится ему человек напротив, а на экране стояла та же фамилия, что на моём сегодняшнем заключении.

— Возьми, — сказала я и принялась собирать салфетки, хотя мы ещё не встали.

— Я потом перезвоню.

— Если спросит, где ты...

Мне хотелось сказать: не говори обо мне. Я сама звала Марка и показывала ему снимок, а теперь стыдилась того, как хорошо мне было с ним. Он подождал, но я не закончила.

— Я не собираюсь отчитываться о завтраке, — сказал он. — Ты сама с ним поговоришь.

Он произнёс это суховато. Наверное, надоело напоминать, что он не передаёт наши разговоры брату. Я посмотрела на свои руки и вспомнила, что собиралась позвонить Антону после врача.

— Сегодня и поговорю. Всё откладывала, чтобы сначала узнать. Теперь знаю.

— Назначишь встречу?

— Да. Только мне кажется, он сразу решит, что я возвращаюсь.

Я впервые захотела услышать от него что-нибудь плохое об Антоне, чтобы согласиться и на минуту перестать мучиться хорошими воспоминаниями о муже. Но Марк отодвинул пустую чашку и сказал только:

— Вера, я не знаю, что он решит. Ты ведь не собираешься.

Я кивнула. Мне хотелось спросить, как выглядит карьер, узнать, какую песню Марк ставит второй раз подряд. И всё это в ту же минуту, когда я не могла спокойно услышать имя собственного мужа.

Мы взяли чай с собой. Заплатил Марк; я уже не стала спорить. На улице он предложил отвезти меня в студию, но до двух было время, и я решила пройтись, побыть одной перед звонком. Он задержался со мной возле двери.

— Спасибо, что позвала, — сказал Марк.

Теперь мне хотелось объяснить ему, что после приёма я просто не хотела его отпускать. Но я только пожелала хорошего дня и смотрела, пока он не дошёл до машины.

Антону я позвонила с лавочки в маленьком сквере. Он ответил быстро; на заднем плане слышался чей-то голос, потом стало тише. Я спросила, когда у него заканчивается смена, и предложила встретиться в половине шестого в кафе на площади.

— Домой приезжай. Зачем нам по кафе сидеть?

— Я домой не приеду. Нам нужно поговорить.

— Я уже сказал, что комната твоя, никто её не трогает.

— Антон, дело не в комнате. В половине шестого сможешь?

Он помолчал и согласился. Спросил, забрать ли меня; я отказалась, проверила, что он слышал время, и закончила разговор. Чай в стакане ещё не остыл. Я достала папку, хотела переложить снимок в отдельный карман и ненадолго задержала его перед собой: здесь не было видно того мерцания, но я помнила, куда смотреть. Антон сегодня узнает про ребёнка. А мне уже хотелось рассказать Марку, как прошла встреча, и от этого я испугалась почти сильнее, чем от предстоящего разговора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.